

КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ И ПЕТР I: СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Р. В. СВЕТЛОВ

Санкт-Петербургский государственный университет
Русская христианская гуманитарная академия
spatha@mail.ru

ROMAN SVETLOV

St. Petersburg State University,
Russian Christian Academy for Humanities

CONSTANTINE THE GREAT AND PETER I: STRATEGIES OF STATE-CONFESSIONAL POLICY

ABSTRACT. Constantine the Great and Peter I are compared in the article in terms of their relationship to the Christian Church. The comparison of these rulers was an important element of the mythologizing of Russian history. As a result, the acts of Peter shade all pre-Petrine Russia's past (just as acts of Constantine distinctly shared by Christian Rome from the pagan Rome). Constantine was the protector of Christianity, while Peter strongly limited the rights and influence of the Church. However, in their religious policy is an important thing in common. Both emperors converted the church into an element of the state machine, and church leaders – in state figures. They both sought to maximize the mobilization and unification of social life.

KEYWORDS: ancient religious legislation, history of Russia, the history of Christianity, Peter I, Constantine the Great.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00106 «Междисциплинарное исследование конфессиональных факторов формирования ценностной структуры российской цивилизации»).

Сопоставление этих грандиозных фигур с одной стороны напрашивается, а, с другой, кажется несколько искусственным. Об искусственности (реальной или мнимой) поговорим ниже, пока же скажем о тех параллелях, что сразу приходят в голову.

Тот и другой правители вершили судьбы своих держав в судьбоносные периоды их истории. И Константин, и Петр перестраивали традиционный быт Рима Ветхого и Рима Третьего, модернизируя их внутреннее устройство, армию, державную идеологию. И тот, и другой сыграли фундаментальную роль в истории христианства – правда, Константин во вселенском масштабе, Петр I же – в рамках истории Русской Православной Церкви.

Нельзя сказать, что реформы обоих государей возникли «на пустом месте» и были их неожиданной или даже спонтанной инициативой. Константин продолжал политику «модернизации» римской Империи, начатую за два поколения до него Галиеном и Аврелианом и получившую важное выражение в установлении домината при Диоклетиане. Отказ от тетрархии, максимальная централизация власти, а также привнесение в государственную машину христианского элемента стали с точки зрения истории римских политических институтов окончательным выражением авторитарного сценария организации высших эшелонов власти в государстве.

Но точно так же и Петр I осуществлял модернизацию российского государства по западным «лекалам» (правда, как часто бывает в России, своеобразно понятым и используемым), будучи продолжателем дела, начатого едва ли не столетием раньше. Достаточно вспомнить реформы, происходившие при ранних Романовых и растянувшиеся почти на столетие, чтобы понять: деятельность Петра I стала естественной вершиной этого длительного периода выбора Россией современного (по меркам того времени) «тренда» развития государственности и цивилизации.

Нет ничего удивительного, что Иван Иванович Голиков, один из выдающихся русских историков XVIII столетия, автор «Деяний Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранных из достоверных источников и расположенных по годам», а также «Дополнений» к ним, вышедших в 1788–1797 гг., в конце своей жизни составил на основе материалов протоиерея Московского Архангельского Собора Петра Алексеича рукопись «Сравнение свойств и дел Константина Великого, первого из римских христианского императора, с свойствами и делами Петра Великого, первого всероссийского императора, и происшествий, в царствование обоих сих монархов случившихся». Эта рукопись была издана после смерти историка Платоном Петровичем Бекетовым в 1810 г. в двух томах. Не имея действительно большого значения для историков, изучающих эпоху Петра, она яв-

ляется многозначительным и характерным документом эпохи, панегирически настроенным по отношению к создателю Российской империи. С одной стороны, ее можно сравнить с восхвалением Константина, созданным Евсевием Кесарийским, с другой же – с «параллельными жизнеописаниями» Плутарха.

Еще в переписке с Андреем Курбским Иван Грозный в оправдание своих действий ссылался на авторитет Константина Великого, да и древнерусские книжники сравнивали Владимира Святого и Константина Великого, так что этот идеологический топос имел давнюю историю. Однако И. И. Голиков не просто «осмелился» сопоставить Петра I и Константина Великого, в его описании они оказываются, как минимум, равны друг другу, а в чем-то Петр даже превосходит своего предшественника. Да и параметры сравнения становятся новыми. Оба государя с точки зрения И. И. Голикова решительно порывают с прошлым (историк видит в них революционеров, а не завершителей определенной тенденции). Если для Константина таким прошлым является дремучее язычество, то для Петра – раскольниковство, всевозможные суеверия и консервативная косность значительной части русского народа и Церкви. Оба правителя перенесли свои столицы, освобождаясь от власти прошлого, превратив их в процветающие центры коммерции. Оба одержали победы над смертельными врагами (Максенцием и Карлом XII соответственно). Оба создавали просвещенное законодательство. Оба, по мнению И. И. Голикова были истинно религиозными людьми и всячески заботились о Церкви (Голиков 1810, 12 сл.). Деятельность Петра таким образом вписывается в некий внеисторический образец, причем идеальным образом. Конечно, в итоге история России мифологизируется, устремленные в некое провиденциальное будущее дела Петра I затенят все допетровское прошлое. Следы этого представления о «темной» и «невежественной» допетровской Руси встречаются не только в современной публицистике или учебной литературе. Даже в середине XX столетия само географическое движение «Рима» от Первого к Четвертому (Санкт-Петербургу) могло трактоваться в изящном геополитическом ключе: Константин «похитил» римскую цивилизацию и унес ее на Восток (из Рима в Византий). Петр Великий же вернул ее на Запад (из Москвы в Петербург), то есть к свету и образованности (Карамурза 2003, 736–737).

И. И. Голиков связывает с Петром I образ Константина еще и при помощи красивой легенды: в битве под Полтавой, якобы, шведская пуля попала в грудь бесстрашному Петру I, однако от смерти российского самодержца спас висевший у него на шее ковчежец с крестом Константина Великого (Голиков 1810, 58).

В сочинениях И. И. Голикова основание Санкт-Петербурга описывается с использованием той же мифологии, которая возникла вокруг создания Константинополя. Впрочем, здесь И. И. Голиков далеко не был первым: еще за несколько десятилетий до этого в недавно опубликованной П. А. Кротовым рукописи П. Н. Крёкшина «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» рассказывалось о том, что при закладке новой столицы Петр имел то же предзнаменование, что и Константин Великий. Римскому императору орлы принесли веревки для строительных работ, а Петру I орел указал место закладки Петропавловской крепости, а затем сел на первое подобие ворот, сооруженных на Заячьем острове (Кротов 2006, 139, 142).

Сопоставление Петра I и Константина Великого имело целый ряд исторических предпосылок. Так, подобные сравнения встречаются уже сразу после смерти первого российского императора. Феофан Прокопович в «Слове на погребение всепресветлейшего державнейшего Петра Великого» обращается к нему как к Давиду и Константину (Прокопович 2003, 63), то есть расценивает его как олицетворение создателей двух великих библейских государств – великодержавного Израиля и христианской Римской империи. В «Слове на похвалу блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра Великаго» Феофан вспоминает о том, что Евсевий Кесарийский называл Константина епископом (несмотря на то, что тот не имел церковного чина и долгое время не был крещен) и готов распространить это именование на Петра (Прокопович 2003, 76).

Но и при жизни Петра I образ Константина являлся очень важным элементом государственной атрибутики, заимствованным еще от Алексея Михайловича. Для армии Петра I было характерно изображение креста Константина на знаменах, триумфальным аркам Константина подражала арка, возведенная в Москве после взятия Азова. В целом можно с уверенностью говорить, что фигура основателя христианского Рима, а также подражание его эпохе являлась важнейшим звеном «гражданском культа», формировавшегося во времена царствования Петра (Живов 2002, 392–402).

Упоминание в начале предыдущего абзаца Алексея Михайловича не случайно. Как показывают современные отечественные историки, именно при этом государе начинается приведение в соответствие «российских реалий византийскому культурному эталону» (Скрипкина 2012, 12). Подобная претензия имела вполне определенные политические предпосылки. Именно при Алексее Михайловиче Россия окончательно освобождается от наследия Смуты и возвращается в ряды важнейших государств Восточной Европы. В это время возникают первые идеи отвоевания Константинополя и возрож-

дения Римской империи, а военные успехи и приобретения во время Польской войны трактуются как предвестники будущего величия.

Чтобы понять, насколько Алексей Михайлович стремился подражать образу Константина, достаточно проанализировать наиболее важные государственные начинания этого царя. Алексей Михайлович инспирировал создание Соборного уложения 1649 г., которое является аналогом законов Константина (включенных позже в Кодекс Феодосия). Государь активно выкупал византийские реликвии, которые тут же встраивались в религиозный и политико-идеологический обиход Московского царства (особенно это заметно на примере «креста царя Константина»). Наконец, Алексей Михайлович пережил величайший в истории Руси раскол. Для решения проблем, связанных как с самим расколом, так и с его последствиями, в Москве созываются церковные соборы, один из которых (т. н. Большой Московский собор 1666–1667 гг.) по составу участников явно имел «интернациональный» характер и значение: на нем присутствовали Александрийский патриарх Паисий (председествовал), Антиохийский патриарх Макарий III, представители Вселенского и Иерусалимского патриархов. Вольная или невольная стилизация происходящего под Никейский собор нам кажется очевидной.

Конечно, образ Константина был воспринят русскими историками, писателями «идеологами» XVII–XVIII в определенном преломлении, которое ему придали церковные историки Рима и Византии (Ващева 2013). Отдельные детали личной биографии римского императора просто-таки просились на драматическое сопоставление их с образом Петра Великого (казнь Константином своего сына Криспа, смерть осужденного Петром царевича Алексея). Однако на таких фактах идеологи и панегиристы, разумеется, внимания не акцентировали.

Определенное сходство Петра и Константина (скорее связанное с общеисторической типологией образа государя-реформатора), тем не менее, упирается в одно различие, которое на первый взгляд представляется фундаментальным. Если Константин Великий вначале своим Миланским эдиктом разрешил свободное существование христианских общин, а затем взял их под государственное покровительство, то Петр I радикально ограничил права Церкви, возможности ее влияния на государство и на образование. Речь идет не только о создании Синода, в сущности – одной из коллегий (министерств), управлявших церковными делами как одной из сфер государственной политики. Были введены ограничения в отношении монастырей, ограничения на вступление в духовный сан. Само духовенство превращалось в одно из сословий, с чертами, характерными для западных сословных монархий. Обязанность всех православных ежегодно ходить к

исповеди и наложение штрафа за уклонение от этого были вызваны не столько стремлением увеличить число «активных верующих», сколько общей стратегией Петра I по мобилизации и унификации жизни его подданных – как в государственном, так и в частном ее проявлениях. «Христианское благочестие – теоретически, по крайней мере, – превратилось в элемент гражданской благонадежности; оно сделалось не столько проявлением индивидуальной веры, сколько исполнением требований, предъявляемых к верноподданному императора» (Живов 2002, 68). Можно – с определенной долей условности – утверждать, что Петр строил в России полицейское государство, а отношение к религии было одним из элементов этого процесса (Носаненко 2012). Несомненным образцом для него выступали протестантские режимы Западной Европы, в частности, взаимосвязи между монархом и церковью в Англии. Поскольку же протестантизм в целом негативно относился к деятельности Константина Великого, то различия между римским и российским самодержцами кажутся фундаментальными.

Однако именно в этом пункте можно показать, что в самых своих принципиальных основах «стратегии» отношения к церковной общине Константина Великого и Петра I были близки друг другу.

Действительно, римское религиозное законодательство с языческих времен строилось не на некоторых априорных принципах (например, религиозной доктрине), но формировалось религиозной эмпирией: «отеческой традицией», сакральным правом, эдиктами соответствующих магистратов и опытом общения с божественной средой. Божественное являло себя неким образом – в виде ли пророчеств, сверхъестественных знаков, или в виде гаданий, а римляне, истолковывая эти явления, оформляли «договорные» отношения с божеством или богами. Римская община через своих магистратов выступала санкционирующей инстанцией для любых религиозных новаций – именно по той причине, что уже имела закрепленный опытом поколений «сакрально-правовой» канал общения с божественным. Санкция общины требовалась на любое религиозное новшество – особенно если оно не иницировалось теми, кому это было вменено в обязанности. Зато принятое положение фиксировалось, например, в *Commentarii Pontificum*, ежегодных записях-анналах, являвшихся одним из источников для последующей кодификации римского права (Шайд 2006).

Имперское законодательство в области религии следовало сакральному праву Республики, но, безусловно, привнесло в последнее ряд новаций. Достаточно вспомнить пример с законами об иудейской религии: ее исповедание было связано с исполнением ряда условий, а также выплатой се-

рьезного налога. Однако даже иудаизм – особенно враждебный Риму во 2-й половине I – начале II вв. – оказался «вписан» в религиозный ландшафт Империи.

Эдикты и распоряжения до-константиновой эпохи, связанные с положением христиан, дошли до нас фрагментарно, однако эти фрагменты вполне содержательны. Известно частное распоряжение Траяна в письме к Плинию (Письмо 97), которое требует от того действовать исходя из конкретного случая («здесь нельзя установить общее правило»), следовать здравому гражданскому смыслу (не доверяя клевете), но тем не менее обрекает за упорство в верности христианству его адептов на смерть. Не имевшее характера закона, оно, однако, оказалось действенным прецедентом, на который впоследствии опирались при решении дел, связанных с вероисповеданием. Подобные «прецедентные» ситуации были довольно характерны для римского права (времен Империи) в сфере религии.

В целом эдикты против христиан имели либо запретительный характер по отношению к религиозным общинам, которые отказывались «играть по правилам» римского религиозного права, либо же представляли собой компромиссы, позволяющие этим общинам существовать, но препятствующие прозелитизму (впрочем, эти компромиссы порой имели жесткие формулировки – вроде закона Септимия Севера, запрещавшего вообще введение новых членов в христианскую общину). В ряде случаев действие антихристианских эдиктов просто приостанавливалось (формально, или, чаще, неформально) – и тогда христианские историки (в первую очередь, Евсевий Кесарийский) констатировали период религиозного мира.

Эдикты Галерия, Константина и Лициния (311–313 гг.) предоставлявшие христианам свободу вероисповедания, а особенно разрешение Миланским эдиктом «любому» исповедовать его религию (что фактически снимало запрет на прозелитизм) сделало христианскую Церковь полноправным субъектом религиозного права Рима. Недаром Миланский эдикт вернул христианским общинам конфискованное. Вскоре после этого общины получили освобождение от ряда налогов и общественных повинностей (319 г.), а затем – право на приобретение недвижимости (321 г.). Помимо духовного выбора Константина, вставшего на сторону христианства, перед нами вполне закономерный для римского правителя ход мысли: в Риме предшествующего периода главным религиозным «цензором» являлась сама община, которую представляли соответствующие магистраты (и император как высший из них). Когда выбор делается в пользу христианской Церкви, ее клир начинает рассматриваться в качестве представителей государства, исполняющих религиозные обязанности римской державы. При всем реальном отличии

языческого римского жречества, а также магистратов, имевших функции предстоятелей римского народа перед богами, от христианского священства, последнее постепенно начинает играть в глазах римских правителей роль держателей бого-человеческой коммуникации. А эта коммуникация согласно римской традиции – дело государственное.

Подтверждением изменения статуса христианской церкви, «срачиваемой» с государством в полном соответствии с традиционным римским политическим самосознанием, является тот факт, что уже сразу после Миланского эдикта Константин оказался вовлечен в церковный спор Рима с африканскими христианами-донатистами. В 314 г. проконсул Африки Элиан по его указанию расследовал взаимные претензии донатистских и кафолических епископов, а сам Константин при всех попытках быть «над» церковным судом, в 316 г. приговорил донатистских епископов к изгнанию и конфискации их имущества (спустя пять лет они, правда, были изгнания возвращены, а их имущественные права восстановлены). Отметим, что точно так же Константин будет вести себя и в случае арианского спора (в том числе, изменив в какой-то момент свое отношение к арианам), и в этом, и в других отношениях выступая внешним «епископом» для Церкви.

Законодательство Константина в отношении Церкви имело самый разнообразный характер и постепенно наделяло ее теми функциями, которыми обладали доселе официальные римские магистраты. Мы имеем в виду законы о епископском суде, о праве освобождать рабов, закон, аннулирувавший запрет безбрачия (легализовавший монашескую жизнь) и ряд других. Церковный календарь (седмицы-недели) начинает превалировать над традиционным римским календарем с его декадами, что радикально перестраивает общественную и административную жизнь. Наконец, Никейский собор становится не только Вселенским в церковном смысле, но и общегосударственным делом.

Все эти законы неоднократно толковались как привнесение в римскую жизнь собственно христианских нравов (Рудоквас 2001). Однако безотносительно своего морального содержания, их положения делали Церковь элементом государства, а церковных служителей – государственными деятелями. Как и Петр I в будущем, Константин Великий стремился к мобилизации и унификации общественной жизни, что было одним из условий благополучия государства после длительного периода внутренних усобиц.

Следовательно, сопоставление И. И. Голиковым двух выдающихся фигур римской и российской истории, с которого мы начали данную статью, хотя и совершалось исключительно в панегирических целях, имеет вполне ре-

альные основания с точки зрения принципиальных оснований отношения Константина Великого и Петра I к церковной политике.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ващева, И. Ю. (2013) «Константин Великий: вариации образа в христианских историях поздней античности», *Вестник Нижегородского Университета им. Н. И. Лобачевского* 4.3, 46–58.
- Голиков, И. И. (1810) *Сравнение свойств и дел Константина Великого первого из римских христианского императора, с свойствами и делами Петра Великого, первого всероссийского императора, и происшествий, в царствование обоих сих монархов случившихся*. Москва.
- Живов, В. М. (2002) *Разыскания в области истории и предыстории русской культуры*. Москва.
- Живов, В. М. (2004) *Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы*. Москва.
- Кара-Мурза, А. А., Поляков, Л. В. (2003) «Россия и Петр», Д. К. Бурлака, ред. *Петр Великий: pro et contra: Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей*. Санкт-Петербург, 716–852.
- Кротов, П. А. (2006) *Основание Санкт-Петербурга: Загадки старинной рукописи*, Санкт-Петербург.
- Носаненко, Г. Ю. (2012) «Предпосылки становления полицейского государства в России», *Актуальные проблемы экономики и права* 4 (24), 231–236.
- Прокопович, Ф. (2003) «Слово на погребение всепресветлейшего державнейшего Петра Великого; Слово на похвалу блаженныя и вечнодостоинныя памяти Петра Великаго», Д. К. Бурлака, ред. *Петр Великий: pro et contra: Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей*. Санкт-Петербург, 63–84.
- Рудоквас, А. И. (2001) *Очерки религиозной политики Римской империи времени императора Константина Великого*: <http://centant.spbu.ru/aristeas/monogr/-rudokvas/rudo13.htm>
- Скрипкина, Е. В. (2012) «Царь Алексей Михайлович – «Новый Константин»: византийский образец власти в русской практике третьей четверти XVII в.», *Омский научный вестник* 1 (105), 12–15.
- Шайд, Дж. (2006) *Религия римлян*. Москва.